

Л. А. МИХАЙЛОВСКАЯ

БЕЛАРУСЬ И ЛИТВА В ПОЛЬСКИХ ХРОНИКАХ XVI в.

XVI столетие, по праву названное «золотым веком» польской хронографии, дало миру плеяду выдающихся писателей и хронистов. Важные события и процессы развития Польского государства будили историческую мысль. Экономический подъем, расширение границ, оформление сословий и их отношения с верховной властью требовали осмысления, исторического обоснования и прогнозов. В связи с этим по-новому оценивалась роль истории, очерчивался круг обязанностей историка: его труд стал рассматриваться как важная просветительская миссия. Историография была поставлена на службу современности и стала одним из способов борьбы за национальное достоинство. Поэтому «польского историка XVI в. волновали и споры в сейме, и пустая казна, и незащищенные границы, и избрание монарха» [1, 455].

Эти тенденции особенно отчетливо проявились в трудах польских хронистов, среди них — ректор Краковской академии М. Меховский, дипломат Б. Ваповский, М. Кромер, Иоахим и Мартин Бельские и М. Стрыйковский. Их сочинения представляют отдельный фонд в комплексе нарративных источников по истории восточноевропейских стран, в том числе и Великого княжества Литовского. История изучения их польскими учеными составляет 400 лет и дала значительные, хотя и неоднозначные, результаты. Если русская и польская историография XVIII—XIX вв. оценивала их с позиций негативной критики, то в XX в. была признана их научная значимость, началось комплексное изучение хроник по многим аспектам. Однако ни в российской, ни в белорусской историографии они практически не разработаны ни как источники, ни как памятники исторической мысли, хотя многие фрагментарные данные из них вкраплены в исследования. Научный интерес к хроникам проявился лишь в нескольких работах белорусских ученых, которые, безусловно, не исчерпывают всей проблемы, а скорее намечают дальнейшие перспективы [2—6]. Учитывая ограниченность фонда источников по белорусскому средневековью, следует признать необходимость сделать хроники достоянием белорусской исторической науки. Однако их широкому использованию должны предшествовать как источниковедческие и историографические исследования, так и фундаментальные труды по комплексному исследованию хроник.

Новым направлением в изучении хроник стало исследование содержащихся в них этнокультурных представлений народов друг о друге. Под таким углом зрения мы попытались выяснить взгляд польских хронистов на Беларусь и Литву. В разной степени все авторы уделяли внимание Великому княжеству Литовскому, которое воспринималось не просто как союзная держава, а как часть общего политического организма.

Польская гуманистическая историография XVI в. возникла не на пустом месте. Она опиралась на фундаментальный труд краковского каноника Яна Длугоша (1415—1480), «отца польской истории», который не только хронологически, но и по своим взглядам являлся связующим звеном между средневековыми хрониками и исторической литературой XVI в. Его «История Польши» соединяла средневековые, схоластические традиции изложения с новыми веяниями. Рукописный автограф Я. Длугоша назывался «*Annales seu cronicae Regni Poloniae*» и охватывал события до 1480 г. Судьба «Истории Польши» сложна и поучительна. Созданная в 60—80-х гг. XV в., она впервые вышла в свет только в 1615 г. в провинциальном местечке Добромиле [7]. Издателем книги был Ян Шчестный Гербут (Младший). Ему удалось опубликовать лишь первые несколько книг. Но уже через год последовал королевский указ о запрещении издания.

Одной из причин этого были смелые характеристики, данные автором крупным магнатам и церковным иерархам, а также явная антиягеллонская направленность *Анналов*. Объяснение этой тенденции следует искать в социально-политических воззрениях Я. Длугоша, которые формировались под влиянием религиозно-олигархических кругов, недовольных как заключением Кресской унии, так и новой династией. Наиболее четко эту политическую линию выразил кардинал Збигнев Олесницкий, который во время правления Владислава Варненчика был самым влиятельным лицом в государстве. Выступая против унии, З. Олесницкий был автором проекта раздела Великого княжества на три части с последующим подчинением их Короне. Я. Длугош не только работал в его канцелярии, но был его доверенным лицом, и получил несколько *бенефициев* [8, 97].

Кроме того, читатели видели в «Истории» определенный намек на события, происходившие в Польше уже после смерти автора. Поэтому «История» Я. Длугоша приобрела характер политического сочинения, во многом вскрывающего корни внутренних неурядиц в стране и содержащего исторические параллели современных событий. Это понимали и правительственные круги. Не случайно в 1519 г. первый печатный труд по истории Польши — «Хроника Польши», принадлежавший профессору Краковского университета М. Меховскому, был запрещен и конфискован из-за того, что в основной части базировался на сочинении Я. Длугоша. Целиком оно впервые было издано в Лейпциге в 1711 г. [9].

Значение Я. Длугоша для славянской историографии чрезвычайно велико. Несмотря на скромную цель, которую он ставил, приступая к работе («извлечь из вечного мрака забвения память о славных людях минувшего») [10, 26], он первый в Восточной Европе изложил историю славянских стран на фоне общеевропейского исторического процесса. В «Анналах» содержался обширный материал по истории, географии, этнографии не только Польши, но и других стран Восточной и Центральной Европы: Великого княжества Литовского, Руси, Чехии, Венгрии, Священной Римской империи.

Исключительная ценность труда Я. Длугоша для изучения истории народов Восточной Европы состояла в привлечении многочисленных источников: не только произведений его предшественников — польских и прусских хронистов, но и русских летописей. С некоторыми расхождениями во мнениях по поводу использованных списков это признает большинство исследователей [11, 17]. Я. Длугош пользовался и белорусско-литовскими летописями. Большинство его

известий о восточнославянских землях восходят к Протографу I белорусско-литовского свода [6, 62; 11, 90; 12, 124—126]. Польский исследователь А. Прохаска даже утверждал, что специально для него был сделан перевод одной из них на латинский язык (список под названием «*Origo Regis Jagyello et Witoldi ducum Lithuaniae*») [13, 198]. Дипломатическая деятельность Я. Длугоша способствовала широкому привлечению актов материала. Информация устного и фольклорного происхождения могла быть почерпнута от выходцев из белорусских и литовских земель, которые учились в Кракове, от духовных лиц, дипломатов и политиков Великого княжества Литовского.

С латинской рукописи «Анналов», хранившейся в библиотеке Краковского капитула, делались многочисленные списки, известные в Польше и Великом княжестве Литовском; неоднократно выдавался и сам подлинник. Так неизданный и запрещенный труд стал самым популярным сочинением среди хронистов XVI в., которым все они пользовались как источником и основой для создания собственных произведений. Это обстоятельство привело к крайнему утверждению, что все хронисты-последователи Я. Длугоша были лишь его компиляторами [14, 4—6]. Вместе с тем, компилятивность была необходимым элементом создания исторических трудов в средневековье, при этом существенное значение имеют и дополнения, и уточнения, и иные оценки событий.

Среди компиляторов Я. Длугоша особое значение имеет хроника Бернарда Ваповского (1450—1535), секретаря Сигизмунда I и придворного историографа. Круг его научных интересов был очень широк; современники знали его как дипломата, астролога, картографа. С его именем связан «золотой век» в развитии польской картографии. Свою работу над хроникой он начал в 1533 г., но завершить и издать ее не успел. Судьба ее загадочна и во многом трагична. Уже в середине XVI в. сочинение Б. Ваповского знали и использовали М. Кромер и М. Бельский. Последний сам указывал, что включил в свой труд если не всю, то значительный фрагмент хроники Б. Ваповского. Перед разделом, повествующим о происхождении славянских народов, во все трех изданиях своей хроники, он написал: «Начинается Польская хроника Бернарта Ваповского» [15, 229]. Если довериться М. Бельскому, то это была первая (опосредованная) публикация хроники Б. Ваповского. Следы латинской рукописи обрываются на М. Кромере, который также знакомился с ее текстом при создании собственной хроники. Польские исследователи предполагают, что использовав рукопись, М. Кромер уничтожил ее [16, 113]. Только в середине XIX в. польский историк М. Малиновский обнаружил часть хроники Б. Ваповского, охватывающую события с 1380 по 1528 гг., перевел ее с латинского на польский язык и издал в Вильно под названием «История Польского королевства и Великого княжества Литовского» [17].

Не отрицая факт заимствований Б. Ваповским информации из текста Я. Длугоша, следует подчеркнуть, что это были историки разных эпох, разных исторических школ и создавали свои произведения в разных политических условиях. История Великого княжества Литовского специально не интересовала Я. Длугоша, однако, в соответствии с поставленной целью, он излагал не только историю Польского королевства, но и соседних государств, из которых Княжество было ближайшим, и к тому же союзным, и о нем следовало рассказать читателю. Не случайно

информация о «литовских делах» становилась более подробной в те периоды, когда происходило политическое сближение двух государств.

Во время создания «Истории Польши» Я. Длугошем опасность орденской агрессии потеряла для Польши былую остроту. Крымская угроза еще не проявилась в полной мере. И, наконец, унитарный процесс как определяющее явление в жизни Польши и Великого княжества Литовского был далек от завершения, и его выгодные последствия для Короны не были замечены Я. Длугошем. В период, когда создавалась хроника Б. Ваповского, ситуация изменилась. С юга на польские, белорусские и литовские земли нападали крымчаки. На восточных границах Княжества и Короны крепла Россия. Она многократно давала понять, что считает украинские и белорусские земли, входящие в состав Великого княжества Литовского, своей неотъемлемой частью, а Верховские княжества и Смоленщина уже вошли в ее состав. В этом смысле Б. Ваповский и отмечал, что пишет «историю королевства, искалеченного, обиженного с восточной его стороны» [17, т. II, 38]. Все эти факторы объективно создавали внешнеполитические предпосылки дальнейшего сближения двух государств.

Вместе с тем, идея унии встречала сопротивление со стороны польских и литовских магнатов. Более того, во время создания хроники Б. Ваповским уния в Кревском варианте фактически не существовала, а отношения между Польшей и Великим княжеством Литовским определялись договором от 26 марта 1532 г., устанавливавшим политический и оборонительный союз [18, 542]. Такой вариант отношений соответствовал интересам литовских панов, но не удовлетворял польские правящие круги. Поэтому перед польским правительством стояла задача идейного и исторического обоснования «вечного союза». Эту задачу и реализовывал Б. Ваповский, работая по заданию Сигизмунда Старого над хроникой. Отсюда — соответствующий подбор материала и его оценки. Они исходили из разных политических убеждений хронистов. Если Я. Длугош выражал интересы «прогабсбургской» магнатской группировки во главе с З. Олесницким, то Б. Ваповский принадлежал к шляхетской партии, которую при королевском дворе возглавлял Ян Лаский [19, 143—145].

Таким образом, не только половина столетия разделяет хронистов, но и различные цели, политическая платформа, разный взгляд на историю Великого княжества Литовского, что и определило попытку выяснить значение двух названных хроник для изучения географии и этнокультурной истории Беларуси и Литвы. Обе хроники дают богатый сравнительный материал для реконструкции представлений польских историков о белорусских и литовских землях.

Несмотря на то, что история Великого княжества Литовского ни у Я. Длугоша, ни у Б. Ваповского не выделяется в качестве самостоятельного предмета изложения, в их произведениях постоянно присутствуют белорусские, литовские, украинские и русские земли. Уже в названиях обеих хроник обнаруживается разное понимание авторами предмета изложения. Я. Длугош сам назвал свой труд «Польскими анналами», а М. Малиновский совершенно точно определил название хроники Б. Ваповского: «История Польского королевства и Великого княжества Литовского». В сравнении с Я. Длугошем Б. Ваповский гораздо больше внимания уделил изложению истории белорусских, украинских и литовских земель. Если исходить из

структурного соотношения, то у Я. Длутоша она занимает треть изложения, а у Б. Ваповского — более половины.

Сложным методологическим вопросом в изучении названных хроник является определение авторами территориальной и этнической принадлежности их населения. Земли Великого княжества Литовского фигурируют под разными названиями — «Литва» (*Lithuania*) и «Русь» («*Russia*»). При этом земли бывшей Киевской Руси упоминаются в хрониках с соответствующим цветообозначением: Белая, Черная и Червоная Русь, однако их географическая локализация весьма неустойчива.

Важно отметить, что известный с XII в. по летописям термин «Белая Русь» в XIV в. появился и в польской литературе. Хронист Янко из Чарнкова употреблял его по отношению к территории современной Беларуси [20, 719]. Появление понятия «Белая Русь», более широкого и общего, чем название отдельной «земли», свидетельствовало о некоторой этнической консолидации этого региона и совпало с начальным этапом формирования белорусской народности. Однако ни Я. Длутош, ни белорусско-литовские летописцы, ни прусские хронисты его не знали.

Даже М. Стрыйковский, который почти всю жизнь прожил в Великом княжестве Литовском, не имел точного представления о Белой Руси, поскольку в разных местах своей «Хроники Польской, литовской, жмудской и всей Руси» употребляет разные термины: Литва, Жмудь, Русь, Литва Завилейская, Литва Повилейская, Русь Белая, Русь Черная. Один из разделов IV книги хроники назван «О Белой и Черной Руси, восточных, северных и южных древних народах и их князьях Великоновгородских, Изборских, Псковских, Белозерских, Киевских, Луцких, Владимирских, волинских, Галицких, Подгорских, Подольских» [21, т. I, 228]. Уже из названия видно, что автор подразумевает современные русские и украинские земли, а не белорусские. Что касается этнонима «белорусы», то именно М. Стрыйковский, как полагает А. Мыльников, ввел его в научный оборот. [22, 81]. В перечень славянских народов он включил и «литовских белорусов» («*Bielorussakow Litewskich*»), но никак не обозначил территорию их проживания [6, 122]. Скорее всего, «литовскими белорусами» М. Стрыйковский называл православное население Великого княжества Литовского. В то же время М. Стрыйковский называл Белой Русью Московскую Русь, а иногда и современную Беларусь. Так, князя Ивана Даниловича Калиту он называл князем «Бело-Русским», великих московских князей — «дедичами Бело-Русской монархии». Одновременно Белую Русь М. Стрыйковский помещал где-то на юге, а Львов называл «головой всей Руси Черной». Таким образом, термин «Белая Русь», как отметил Н. Улащик, являлся «блуждающим» [23, 64], как, впрочем, и иные этнические реалии восточного славянства.

Можно высказать предположение о том, что Б. Ваповский был осведомлен о «Белой Руси», о чем косвенно свидетельствует его картографическая деятельность. В 1526 г. в Кракове были напечатаны три его карты, но вскоре они почти полностью погибли во время пожара в типографии. Одна сгорела без следа, а две сохранились во фрагментах [24, 24]. На первой, как видно из сохранившейся части, была представлена южная часть современной Беларуси, а на второй — Литва и северная Беларусь. На сохранившихся фрагментах «Белой Руси» нет. Но название «*Alba Russia*», обозначающее территорию современной Беларуси или ее северную часть, присутствует, на карте Каспара Вепеля, изданной в 1555 г. и основанной на картах Б. Ваповского [25, 40]. Однако мы напрасно будем искать это название в хронике,

автор его не использовал. Да и самим населением белорусских земель этот термин вряд ли употреблялся. Как верно заметил И. Юхо, «в летописях, хрониках, мемуарах, официальных документах того времени, а также в позднейших источниках Беларусь, и в первую очередь ее западные области, именовались Литвой, а население — литвинами» [26, 3]. Этой же терминологии придерживались и другие польские хронисты. М. Меховский фактически всю Беларусь называет Литвой, а Украину — Россией [27, 95—96].

Русь у Я. Длугоша — это земли Великого княжества Литовского, в XIV—XV вв. населенные «русскими», в первую очередь географический регион. В него он включил Галицко-Волынскую и Червоную Русь. Так, повествуя о процессе включения польским королем Казимиром Великим этих областей в состав Короны (1311 г.), хронист называет Львов, Перемышль, Остров, Галич, Луцк, Владимир, Санок и Теребовль. Они, по его мнению, составляли «всю землю Русскую» (*universam terram Russiae*). Холм, Луцк и другие города, которые в 1319 г. стали объектом военного похода Казимира — это «последние (в значении «пограничные» — Л. М.) русские земли» (*terras Russiae reliqas*) [10, т. III, 382]. Таким образом, сообщая о событиях середины и второй половины XIV в., Я. Длугош ограничил Русь юго-западными землями. Население северо-восточных и южных земель Великого княжества Литовского, которые поддерживали Свидригайло в период феодальной войны 30-х годов XV в., — это, в понимании хрониста — также «русские» [10, т. IV, 385—386]. Они населяли Смоленские, Витебские, Полоцкие земли. Великий Новгород Я. Длугош считал «самой богатой и огромной из земель Руси». Что же касается населения северо-восточной Руси, то Длугош не относил его к «русским», называя «московитами» (*terra Mosquensi, Mosquovitarum, Moschovia*).

У Б. Ваповского Русь — часть Великого княжества Литовского, в 1385 г. вместе с Литвой и Жмудью присоединенная к Польскому королевству «вечным союзом». Исходя из этого, хронист отмечает, что «Русь — восточная часть королевства» [17, т. I, 296]. По его мнению, Русь делилась на Северную (Новгородские и Псковские земли) и Восточную или Червоную (Галицко-Волынские земли). При этом он уверял, что «никто никогда не сомневался в том, что Воынь и все, что лежит за Припятью, по праву принадлежит Польше» [17, т. II, 36]. Таким образом, для обоих хронистов не существовало цельного понятия Руси. Русь и русские земли в хрониках ничем не связаны и не объединены. Хотя Псков и Новгород, Киев, Луцк и Львов — русские города, они существуют как разрозненные части Великого княжества Литовского, Польского государства или входят в сферу их политического влияния. Единственный раз в хронике Б. Ваповский, как будто случайно, признает, что Русь — единый народ. Он отмечает, что «король собрал войско из поляков, литвинов и *подчиненной части Руси*» [17, т. I, 170].

Итак, мы видим, что для определения этнической принадлежности в хрониках применяются разные принципы: этно-географический (для обозначения населения южных земель бывшей Киевской Руси), политико-географический, региональный (для обозначения жителей Русского государства) и этно-конфессиональный (для обозначения земель, населенных православными). Русь в хрониках никогда не выступает как государство. Термин «Московия» появился в польских источниках только в начале XV в., (когда Княжество и Корона непосредственно столкнулись с Великим княжеством Московским), и употреблялся исключительно для обозначения

этого политического образования. Тенденция отрицания этнического единства Руси в традиционных границах Киевской державы соответствовала политическим и этнокультурным реалиям Восточной Европы XIV—XV вв. В этот период шло становление национальных государств, происходил процесс формирования отдельных народностей — белорусской, украинской, русской. В рамках этой тенденции и Я. Длугош, и Б. Ваповский включали Русь в земли Великого княжества Литовского, именовали «Литвой» и противопоставляли «Московии». Русскими они называли все православное население «Литвы», а ее восточных соседей (также православных) называли по их государственной принадлежности «московитами».

Термин «Литва» имел сложную семантическую емкость. Он употребляется в обеих хрониках в широком и узком смысле: как синоним для обозначения Великого княжества Литовского и как его часть. Великое княжество Литовское — это и политическая организация («Кейстут взял высшую власть в Литве»), и этно-территориальный комплекс («Литву составляют многие земли и народы: литва, жмудь и русь») [17, т. I, 4, 53, 60, 68]. Примечательно, что в это время возникает и зеркальное отражение: понятия «Русь Литовская» и «Русь Московская». Иное значение термина «Литва» в узком смысле. Прямого ответа на вопрос о его содержании ни у Я. Длугоша, ни у Б. Ваповского найти нельзя, но косвенные свидетельства, уточнения и географические подробности позволяют составить некоторое представление. Понятие «Литва» употребляется в территориальном и этническом значении, при этом они полностью не совпадают. В Литву как территориальный комплекс Я. Длугош включил не только этнически литовские земли, но и территории современной Беларуси (Гродно, Брест, Лиду). Географические границы выглядят довольно размытыми: «между Польшей, Русью Ливонской землей и Прусской» [10, т. III, 211].

У Б. Ваповского территориальные границы Литвы очерчены более определенно. В них он включил часть Великого княжества Литовского, расположенную между Жемайтией и московскими землями с городами Ковно, Вильно, Троками, Брестом, Полоцком, Витебском, Гродно, Лидой, т. е. всю территорию Лукштайтнии и Беларусь. Хронист отметил, что «Вильно и Троки — два крупнейших города в Литве» [17, т. I, 4].

Отмеченная особенность употребления терминов «Великое княжество Литовское», «Русь» и, прежде всего, «Литва» имеет принципиальное значение. Во-первых, она объясняет, почему в хрониках сравнительно мало сообщений о белорусских землях; во-вторых, становится понятным, что события, обозначенные в хрониках на «Руси» или в «Литве» происходили в пределах нынешней Беларуси. Это не означает, что хроники прошли мимо событий, которые требовали конкретной географической локализации. В них содержится информация и о городах Беларуси. Подобные сообщения имеют различный характер. Например, Брест лишь упоминается в хронике Б. Ваповского в связи с проездом Ягайла [17, т. I, 92]. Иначе выглядит сообщение о Полоцке, которое имеет характер свидетельства о важном выступлении полочан в ходе борьбы с изменением удельной системы в Великом княжестве Литовском после смерти Ольгерда [17, т. I, 3]. Сообщение о Дрогичине представляет его как оплот в междоусобной борьбе [17, т. I, 41—42]. События, изложенные в хрониках, происходят и в отдельных районах Беларуси, обозначенных терминами «по Бугу», «по Двине», «в Витебской земле» и т. д. [17, т. I, 6, 80, 82]. В совокупности

все эти сообщения дают тот материал, который в определенной степени отражает значение белорусских земель в общественно-политической жизни Великого княжества Литовского.

С учетом такого понимания названных терминов следует, как нам представляется, подходить к исследованию хроник как источника по истории Беларуси и Литвы.

И Я. Длутош, и Б. Ваповский, и их последователи, особенно М. Стрыйковский, придавали большое значение этнической истории. Однако в рассмотрении этих вопросов не выходили за пределы распространенных в то время догм. На их фундаменте они строили свои гипотезы, которые доминировали на протяжении длительного времени. Создание фантастических этнических генеалогий в эпоху Возрождения являлось общеевропейской тенденцией. Так возникли «сарматская теория» и легенда о римском происхождении литовской знати.

Я. Длутош был убежденным сторонником происхождения литовцев от римлян. В XIV в. эта легенда из прусской хроники Петра Дюсбурга переключалась в польскую историографию, а оттуда и в белорусско-литовские летописи [28, 15—34]. В специальном разделе, названном «Происхождение литвинов, их язычество и стародавние обычаи», Я. Длутош излагает версию «римских корней» как неоспоримую. Он дважды (под разными подзаголовками) повторяет сообщение о бегстве из Рима родственников и сторонников Помпея в период его борьбы с Юлием Цезарем, «чтобы он побежденным и уже неопасным противникам жестоко не отомстил» [10, т. I, 131—132; т. III, 444—446]. В одном случае он делает оговорку о том, что «однако не совсем точно известно, когда и как литовский и жмудский народ прибыл в эти северные края»; в другом называет точную дату: «в год от заложения Рима 714» [23, т. III, 443—445]. Что же касается «жмудского народа», прибывшего вместе с литовцами из Рима, то сам хронист о нем точного представления не имел. Буквально на следующей странице он отмечает, что только после прибытия на «место назначения», расселившись, освоившись и окрепнув, выходцы из Рима «захватили территорию, лежавшую неподалеку от Пруссии и на своем языке называли ее Жмудью, что означает Нижняя земля» [10, т. III, 446].

В обоснование своей концепции Я. Длутош выводил название «Литва» из «Italia — Litalia — Lithalia — Lithuania» и подчеркивал, что и сейчас жители Италии добавляют в начале слов букву «L». Литовский язык хронист называл «испорченной латынью». В то же время, нельзя точно сказать, какой именно язык имел в виду Я. Длутош, поскольку он утверждал, что в нем «много славянских выражений» [10, т. III, 446]. Литовского языка хронист не знал, а преобладающая часть населения Великого княжества Литовского говорила в то время по-белорусски. Эту же фантастическую концепцию излагал и М. Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» и, скорее всего, заимствовал ее у Я. Длутоша [27, 77].

Собственную трактовку легенды о римском происхождении литовцев предложил Михалон Литвин. Отвергая версию о Палемоне, он утверждал, что Литва была завоевана Цезарем и стала провинцией Рима [29, 86—87]. В таком варианте литовская знать представляла потомков римского диктатора. Эта версия в историографии получила условное название «монархической», в отличие от «республиканско-олигархической» (от Помпея), сформулированной Я. Длутошем.

Б. Ваповский ж не считал нужным возводить генеалогию литовской знати к римским патрициям. Перед его хроникой стояли другие задачи — обосновать

единство происхождения, общность этнического и исторического развития народов Польши и Великого княжества Литовского. Эта задача и стала той идейной позицией, на которой хронист строит свою концепцию. Б. Ваповский убеждал читателя, что предками литовцев были «сармато-славянские племена — дикие и воинственные аланы и таваны», хотя точных данных об их расселении он не приволил. В то же время, в поисках Б. Ваповского можно обнаружить некоторые достоверные известия. В частности, хронист верно локализует аланов (ираноязычный этнос) в Приазовье и Предкавказье. Далее хронист отмечает, что после гуннского разгрома значительная часть аланов двинулась вместе с победителями в Центральную Европу (между прочим, он считал, что от аланов произошло название Каталония) [17, т. I, 77]. Известно также, что аланы, принимая участие в Великом переселении народов, контактировали с балтами; причем, линия контактов ираноязычных и балтских племен проходила как раз по Сейму и Двине [30]. Что касается таванов, южные границы расселения которых проходили, по мысли Б. Ваповского, в Смоленской земле по Днепру, и, объединившись с которыми, аланы образовали союз, то идентифицировать их в этническом смысле не удалось.

От смешения названий «аланы» и «таваны» и произошли слова «Литва» «*A' Lathuania*» — «*Lithuania*» и «литвины». Это, утверждает Б. Ваповский, «более правдоподобно, чем мнение некоторых писателей, что литвины от Италии берут начало». Категорически отвергая версию о римском происхождении знатных литовских родов, считая ее недостоверной, Б. Ваповский обращался к ее сторонникам: «Не такие уж мы невежды в истории, чтобы не знать, в какие страны римляне посылали свои войска» [17, т. I, 77]. Между прочим, это единственное место в хронике, где автор полемизировал с Я. Длугошем, не называя его прямо. Так, историко-политическая правомерность польско-литовской унии подкреплялась обоснованием этнического единства поляков и литовцев. Впервые к литовскому этногенезу была приложена сарматская теория, и Б. Ваповский стал автором этого гибрида. Взгляд в прошлое Литвы помогал ему найти нужную оценку настоящего.

Попыткой соединить легенду о римском происхождении литовцев и сарматскую теорию явилась концепция М. Стрыйковского, представляющая наиболее полное и подробное обоснование появления римлян в Литве. Родоначальником литовцев хронист объявлял Палемона, родственника императора Нерона, спасшегося от его притеснений, и трех его сыновей: Борка, Кунаса и Сперу. Датировку этих событий, отмеченную Я. Длугошем и белорусско-литовскими летописями (V в.) М. Стрыйковский считал неприемлемой, поскольку в это время римляне уже были христианами и не могли не принести его в Литву [21, т. I, 81]. Убежденный сторонник этой версии, М. Стрыйковский даже стал искать Палемона в Риме. Среди сенаторов он обнаружил упоминаемого Ливием Публия Либона и пришел к выводу, что, поскольку его имя созвучно с Палемоном, это одно и то же лицо. Вместе с Палемоном из Рима в Литву прибыли 500 семей римских аристократов, которые и положили начало знатным литовским родам. Таким образом, именно от М. Стрыйковского берет начало концепция римского происхождения литовской аристократии, а не всего литовского народа. Если Я. Длугош сообщал, что выходцы из Рима прибыли в пустую, незаселенную страну, то М. Стрыйковский утверждал, что они застали здесь сарматские племена: «И литвины, и поляки происходят от одного сарматского пня, при этом шляхта литовская делится на римскую и сар-

матскую» [21, т. I, 91]. Таким образом, миф о сарматизме должен был интегрировать все народы в Речь Посполитую.

Наивные генеалогические построения летописцев и хронистов достаточно подвергались критике. Однако существенное значение имеет не их недостоверность, а идейная сторона вопроса. Современники верили легендам, причудливо сочетающим баснословные толкования с перспективными догадками. Следует учитывать и то, что представления о других народах в средневековье складывались в определенной зависимости от их происхождения. Концепция происхождения литовцев от римлян не только формировала общественное мнение, но имела также глубокую политическую подоплеку. Она импонировала сепаратистским кругам Великого княжества Литовского и вводила их в семью европейских народов. Для населения Великого княжества Литовского это было особенно важно в условиях Люблинской унии и конфликтов с Польшей. Концепция римского происхождения имела большое значение и в условиях политического и военного противостояния Москве. Известно, что в начале XVI в. в московских правящих кругах возникает «Сказание о князьях Владимирских», возводящее правящую династию Рюриковичей к римскому кесарю Августу.

Чрезвычайно ценны и значительны для исследователей и те данные о древних обычаях, верованиях, традициях, которые хронисты приводили, как им казалось, в обоснование своих концепций. Во многих случаях они имеют уникальный и самостоятельный характер для реконструкции белорусских и литовских древностей. Кроме того, они непосредственно касались представлений о феномене этничности в XVI в.

Так, Я. Длугош убеждал читателя в сходстве языческих обычаев древних римлян и литовцев. Он утверждал, что Вулкана они почитают в огне, Зевса в громе (его он отождествлял с Перкунасом), Диану в лесах. Языческий политеизм в изложении Я. Длугоша приобрел черты развитой религиозной системы греков и римлян. «Те же самые божества, те же религиозные обряды были у них до принятия христианской веры, которые были у римлян в язычестве: святой огонь, который в своем заблуждении считали вечным. Почитали Зевса-громовержца. В Риме этот огонь подерживали весталки» [10, т. III, 443].

Он подробно рассказывает о священных дубравах и роцах, в которых обитали языческие божества. В эти роци «в начале сентября привозили зерно, собирались туда с женами, детьми и всеми домочадцами. Три дня они ублажали своих богов, принося им в жертву быков, телят, баранов и других животных. По окончании жертвоприношений в течение этих трех дней беседовали, плясали, устраивали различные игры и среди забав съедали сами свои же жертвоприношения. Это был самый главный религиозный обряд, которым никому не разрешалось пренебрегать. После побед, одержанных над неприятелем, когда возвращались с триумфом или с добычей, складывали огромный костер, в который каждый должен был положить полено. Лучшего из пленников подвергали сожжению, полагая, что такая жертва была бы самой приятной их богам» [10, т. III, 444].

От римских предков литвины, по мнению Я. Длугоша, унаследовали обычай сожжения своих умерших. Поскольку они жили среди лесов, «каждая деревня, каждое селение и семья имели свой отдельный гай, а в нем свой костер, где сжигали останки своих умерших. Обычно на этот костер вместе с умершим клали его иму-

шество: коня, волов, коров, седло, оружие, одежду, пояс, упряжь, перстень и сжигали вместе с ним». Тематика языческой обрядности продолжена рассказом о сожжении великого литовского князя Ольгерда «в роще, названной Когивейтос, недалеко от замка и деревни Мейшаголы, вместе с лучшим конем, рыцарской обувью (йопула), жемчугом, дорогими камнями, одеждой, расшитой золотом и пурпуром и серебряным с позолотой поясом» [10, т. III, 444]. Версию белорусско-литовских летописей о том, что Ольгерд был православным и похоронен в Виленском замке, Я. Длутош не изложил, а возможно, и не знал. Текстуальные совпадения его «Истории» с белорусско-литовскими летописями начинаются с 1382 г. [11, 91].

В контексте своих генеалогических построений Я. Длутош рассказывает о литовском языческом культе змей и ужей. Его возникновение хронист связывает с культом Эскулапа, бога врачевания, который, согласно легенде, в образе ужа прибыл из Греции в Рим для прекращения эпидемии. Ужи, по рассказу хрониста, жили в каждом доме, где их кормили молоком, а в качестве жертвоприношений убивали петухов. В соседстве с этой интересной информацией Я. Длутош ведет откровенно средневековые рассуждения о том, что в Литве «климат такой суровый, что тепло бывает только два месяца в году, а зимой такие сильные морозы, что у людей отваливаются носы, поскольку в них скапливается много влаги» [10, т. III, 446]. Эти разделы хроники Я. Длутоша являются уникальными по своему значению для исследования этнографии и истории и культуры древней Литвы и Беларуси, население которых в древности представляло собой конгломерат балтских и славянских племен, поэтому в их верованиях сплетались как славянские, так и балтские языческие представления. Поэтому верования и обряды, которые описывает Я. Длутош, были характерны не только для этнических литовцев, но и для белорусов.

И Я. Длутош, и Б. Ваповский совершают экскурс в древнюю историю Литвы, но осуществляют это по-разному. Оба хрониста отмечают, что литовские племена попали в зависимость от русских князей и платили им дань. Я. Длутош причины этого усматривал в тогдашнем варварстве и ленности литвинов, при этом добавлял, что дань они платили «в виде дубовой коры и веников, из-за бесплодия земли нельзя было взять с них больше» [10, т. III, 445]. Сходные высказывания о нищете литовской земли встречаются у Я. Длутоша довольно часто. Он называет ее «самой презренной и нищей среди северных стран», замечает жалкие хижинки, напоминающие шалаши, в которых живут литвины, скромную еду и простую глиняную посуду.

В противоположность ему Б. Ваповский восхищается природными богатствами Литвы. Он рассказывает о прекрасных озерах, изобилующих рыбой, о судоходных и сплавных реках, «плавно несущих свои полные воды во всей шири просторов». Ярко описывает леса Беларуси, богатые разной птицей и редкими пушными зверями (соболем, белкой, горностаем, куницей), «о которых в других странах знают только по рассказам, а в восточных странах называют «черноморскими мышами» [17, т. I, 78]. В разделе, посвященном описанию Литвы, мы встречаем своеобразную «Песню о зубре» — описание княжеской охоты. «Когда литовский князь выезжает на охоту, несколько тысяч обученных крестьян устраивают круговую облаву в лесной чаще. Выследив зверя, окружают засеками из подрубленных деревьев. Потом спускают собак и изнуряют зверя погоней, пока он не упадет». Зубр воспет в хронике как властелин белорусских и литовских пуш. «Дикостью и быстрым бегом

он превосходит всех зверей (лосей, туров), а размером немногим меньше слона. Зубр необыкновенно красив и силен. Если он достигнет человека, то, подняв его вместе с конем на рога, бросает, как мяч. Если же заметит пешего, и тот, спасаясь от его ярости, залезет на дерево, даже крепкое, то зубр с такой силой в него ударит, что толстые сучья падают сразу, а затем выворачивается и дерево... Но зато какая захватывающая, пусть даже опасная охота!» [17, т. I, 79].

Жители этой богатой страны, по сообщению Б. Ваповского, традиционно занимались охотой, ловлей рыбы, «которой здесь так много, что за один улов набирается целый воз», охотой, бортничеством, ткачеством, «вели торговлю, получая большие барыши за пушнину, мед и воск». Опровергая Я. Длугоша, он характеризует литвинов как смелый и воинственный народ, сообщает состав войска: «по первому призыву князя они выставляют 20 тысяч конников», что, по всем подсчетам, было явным преувеличением с целью выдать желаемое за действительное.

Интересными и подробными сведениями Я. Длугоша о языческих обрядах и древних поверьях литвинов Б. Ваповский пренебрегает. Если Я. Длугош как христианин и краковский каноник свое повествование о древних поверьях сопровождал комментариями по поводу «темноты язычества», безбожной веры» и т. п., то Б. Ваповский откровенно заявлял, что желал бы видеть Литву католической, и не находил нужным напоминать читателю о ее древней вере. Вместо этого раздела он поместил географическое описание Литвы, в котором проявились его обширные знания по географии и картографии. Они выражены в описаниях рек и морей, городов и других населенных пунктов. Из рек Б. Ваповский называет Днепр, Неман, Березину, Двину, Буг, Припять, описывает их истоки и места впадения в море. Во многих случаях он приводит древние названия рек и морей, встречающиеся у античных авторов. Например, он указывает, что Неман в древности называли Хронос, Двину — Турундус, Волгу — Ра (или Рха). Географическая осведомленность Б. Ваповского проявляется также в его сообщениях о расстоянии между городами, их местоположении и др. Мнение Я. Длугоша о том, что столица Великого княжества Литовского — город Вильно — был назван в честь Виллгуса, предводителя римлян, переселившихся в Литву, Б. Ваповский опровергал [10, т. III, 446]. Он сделал реальное предположение о том, что название города произошло от реки Вилии, на которой стоит Вильно [17, т. I, 80]. Этих данных мы не находим у Я. Длугоша не только потому, что он не обладал такими знаниями в области географии, но и потому, что гораздо меньше интересовался Великим княжеством Литовским.

Оба хрониста приводят важные сведения о военной и общественной организации, о хозяйстве литвинов. Б. Ваповский сообщает, что «в древности страна была полна невольников, которые возделывали землю и помогали в домашних делах» [17, т. I, 81]. Я. Длугош добавляет, что большей частью из невольников состояло и войско. Их передавали в качестве приданого. Рабское состояние было наследственным; невольников очень редко отпускали на свободу: «от невольников рождаются невольники и умножают их число» [10, т. III, 446]. Источником рабства был не только плен; в неволю попадали и несостоятельные должники, и приговоренные к смертной казни, но помилованные преступники.

Описывая нападения языческой Литвы на Мазовию и другие польские земли, Я. Длугош экстраполировал свое отрицательное отношение к ней и на более позднее время. Белорусским и литовским землям он отводил пассивное место в истории

восточноєвропейских государств, рассматривая их как плацдарм польской экспансии на Восток. Б. Ваповский смягчал негативные характеристики и стремился подчеркнуть значимость Великого княжества Литовского в истории унитарного государства. В его хронике наиболее полно отразился интерес польской хронографии первой половины XVI в. к истории Беларуси и Литвы.

Значение польских хроник для изучения древней истории Беларуси и Литвы состоит не только в том, что из них можно почерпнуть достоверные сведения. Очевидно, что географические данные и этническая история белорусских и литовских земель имеют в хрониках второстепенное значение, однако они помогают реконструировать их географический ареал и этнический облик, отразившиеся в представлениях польских хронистов. Несомненно, что эти представления нередко были далеки от реальности, однако они важны, поскольку из них складывалась «картина мира», свободная от этнических, и идеологических стереотипов сегодняшнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tarnowski St.* Pisarze polityczni XVI wieku // *Studia do historii literatury polskiej*. Т. II. Kraków, 1986.
2. *Михайловская .І. .І.* Беларуссия и Литва в XIV—XVI вв. (по материалам хроники Бернарда Ваповского). Автореф. дис... канд. ист. наук / БГУ им. В. Ленина. Мн., 1981.
3. *Михайловская .І. .І.* Жизнь и творчество Мацея Стрыйковского // *Вопросы истории*. Межвузовский сборник. Т. V. Мн., 1978.
4. *Михайловская .І. .І.* Вклад польского хрониста Бернарда Ваповского в историографию Великого княжества Литовского. // *Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. История*, XXI (1). Вильнюс, 1981.
5. *Селянчук А. А.* Польскія хронікі другой паловы XVI ст. як крыніцы па гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Аўтарэф. дыс... канд. гістар. навук. Мн., 1997.
6. *Селянчук А.* Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. Гродна, 1999.
7. *Historia Polonica Joannis Dlugossi seu Longini canonici Cracoviensis in tres tomos digesta. Autoritate et sumtibus Herbulti Dobromilka edita. Dobromili in officina Joannis Szeligae / Anno D. 1615.*
8. *Ludmila Michajlowskaja.* Jan Długosz a Bernard Wapowski // *Zeszyty naukowe Uniwersitetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. Z. 76. Kraków, 1985.
9. *Ioannis Dlugossi seu Longini canonici qondam Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII. Lipsiae sumptibus Joannis Ludovici Glediszhii Weidmanni. 1711.*
10. *Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Т. I—V. Kraków, 1867—1870.
11. *Иммонов Ю. А.* Ян Длугош и русские летописи // *Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVI веках*. Л., 1978.
12. *Ходзин С. М.* Крыніцы па гісторыі Беларусі. Мн., 1999.
13. *Prochaska A.* Przekład ruskigo latopisa na język laciński // *Kwartalnik Historyczny, rocz. 2, zes. 2*. Lwów, 1888.
14. *Łukas S.* Rozbiór podługoszowej części kroniki Bernarda Wapowskiego. Kraków, 1880.
15. *Bielski M.* Kronika wszechstkiego świata. Kraków. Ed I — 1551, Ed. II — 1554, Ed. 3 — 1564.
16. *Grygiel S.* Proba rekonstrukcji zaginionej części kroniki Bernarda Wapowskiego // *Studia źródłoznawcze*. Т. IX. 1964.
17. *Wapowski B.* Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego księstwa Litewskiego. Т. I—III. Wilno, 1847—1848.

18. Пичета В. И. Польско-литовские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты // Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961.
19. *Pociecba W. Krolowa Bona*. Т. II. Poznań, 1949.
20. *Joannis de Czarnkow. Cronicon Polonorum (1333—1384)*. Monumenta Poloniae historica. Т. II. Lwów, 1872.
21. *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi*. Т. I—II. Warszawa, 1846.
22. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1999.
23. Улащик Н. Н. Белая и Черная Русь в хронике Матвея Стрыйковского // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б. Грекова. М., 1982.
24. *Wiszczyk K. Dzieje kartografii Polskiej od XV do polowy XVIII wieku*. Poznań, 1963.
25. *Alexandrowicz St. Rozwój Kartografii Wielkiego księstwa Litewskiego od XV do polowy XVIII wieku*. Poznań, 1989.
26. Юхо И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Мн., 1978.
27. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.; Л., 1936.
28. *Zachara-Wawrzyńczyk M. Geneza legendy o rzymskim pochodzeniu litwinów* // *Zeszyty historyczne*, III. Warszawa, 1963.
29. Михалон. *Литвин*. О нравах татар, литовцев и московитов. М., 1994.
30. Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье // Советская археология. 1965, № 4.